

Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд

English version: [Sokolova E.T. Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty and ambiguity: clinical approach](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Анализируются некоторые социокультурные предпосылки и личностные predispositions, обуславливающие современное многообразие проявлений феноменов субъективной неопределенности и двойственности, связь между ресурсными и психопатологическими аспектами отношения к неопределенности, специфика современной культурной среды с ее деструктивными идеалами, мифологемами, манипулятивными политическими и медиатехнологиями и все пронизывающей идеей деконструкции. Сравниваются способы экспериментального моделирования переживания неопределенности, стилистические и клинические вариации отношения к неопределенности. Исходя из специфики проецируемого содержания тревоги, способов психологической защиты и состояния самоидентичности, выделяются пять типичных способов переживания социальной и культурной неопределенности, с диагностической точки зрения, характеризующие баланс между субъективной дезинтегрированностью (глубиной личностного расстройства) и ресурсными возможностями личности. Подчеркивается необходимость междисциплинарного изучения процесса социального становления и распада самоидентичности в условиях социокультурной неопределенности как единства отношений Я-Другой методологическим инструментарием смежных наук - социальной эпистемологии, клинической и социальной психологии.

Ключевые слова: феномены субъективной неопределенности, социокультурные, личностные и клинические предпосылки, экспериментальное моделирование, индивидуально-стилистические и психопатологические особенности отношения к неопределенности, проективная парадигма, пограничная личностная организация, психопатология

Непрогнозируемые социальные катаклизмы и возрастание сложности организации культурного целого составляют отличительную черту современного общества с его готовностью к широкомасштабным изменениям, риску и многообразию возможностей индивидуального выбора, а также принятию сверхценности индивидуального своеобразия и личной автономии, высокой толерантности к пестрой палитре культурных контекстов и в целом – к ситуации неопределенности [Бек, 2000; Бауман, 2002]. Именно «неопределенность» становится сегодня ключевым понятием и теоретической рамкой, объединяющей изучение как вариативности феноменов индивидуального и общественного сознания, так и собственно клинических расстройств самоидентичности [Соколова, 2014].

Внутри постнеклассической парадигмы в психологии различают объективную и субъективную неопределенность: неопределенность окружающей среды связана с природной, технологической и социальной непредсказуемостью и высокой частотой эксцессов бифуркации. Субъективная неопределенность, в частности, взятая в клиническом ракурсе исследования, привлекает внимание к остро-шоковым и труднопереносимым состояниям базовой онтологической тревоги, неуверенности в себе и собственной идентичности, а также к семантической и смысловой многозначности жизненных явлений, «сталкивающих» субъекта с необходимостью признания известной ограниченности индивидуальных познавательных возможностей, принятия собственного «несовершенства» как

живого экзистенциального переживания.

Термин «толерантность к неопределенности», как известно, был введен в середине прошлого века в теории авторитаризма [Adorno et al., 1950] и интерпретировался как предпочтение разных форм политического устройства в зависимости от способности субъекта справляться со сложной организацией общественной жизни, индивидуальной свободой и ответственностью. По мнению авторов, пытающихся обнаружить психологические закономерности, лежащие в основе исторического феномена нацизма, именно нетерпимость к неопределенности способна породить свою противоположность - абсолютизацию жесткого порядка, регламентацию и подчинение частной жизни абсолютному социальному контролю и тоталитаризму власти. Через тринадцать лет Ханна Арендт, анализируя «случай Эйхмана», сформулирует свою версию психологических истоков насилия и укажет на «банальность зла» в качестве первопричины преступлений против человечности [Арендт, 2008]. Согласно Арендт, Эйхман не был человеком необычным, не был и садистом, а был заурядным обывателем, чья самоидентификация полностью зависела от господствующей идеологии нацизма и подчинялась ей. Иными словами, ценой отказа от собственного Я и благодаря автоманипуляциям – самообману и самооправданию, лицемерию и ханжеству, формально-бюрократическому (мертвенному и полезависимому) стилю мышления, засоренности сознания деиндивидуализированными и обезличенными канцеляризмами-клише и высокопарными эвфемизмами, ему удавалось скрывать правду от самого себя, избегать осознания собственной вины и личного соучастия в преступлениях.

Дальнейшая «психологизация» самого понятия неопределенности привела к включению в данный феномен широкого спектра эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций, возникающих в ответ на незнакомые, сложные, неожиданные или многозначные по своей возможной интерпретации стимулы, ситуации или любые другие качества информации, взаимодействие с которыми сопряжено с необходимостью выбора из «поля» «интерферирующих» альтернатив [Белинская, 2007; Корнилова, 2010]. В этих условиях взаимодействие с социальным или предметным окружением осуществляется посредством психологических механизмов разного уровня осознания таких, как бессознательная защита или осознаваемый копинг, направленных на процесс «снятия неопределенности», «структурирования», «трансформации неопределенности» путем преобразования первоначального хаотического или слабо структурированного материала в некоторую связную, упорядоченную и осмысленную структуру – образ, идею, символ, ментальную репрезентацию отношения к себе и Другому [Соколова, 2009а, 2012].

Разрабатывается методология исследования и конкретные процедуры экспериментального создания условий неопределенности: «расфокусированность» стимула и способов его предъявления, его смысловая многозначность или двусмысленность, эмоциональная депривация, варьирование инструкции и индуцированной мотивации, а также коммуникативного и группового контекстов и др. Благодаря исследовательским моделям, основанным на принципе контроля меры структурированности предметного и социального окружения, теоретически обоснованным интеграцией психоанализа, проективной психологии и социального когнитивизма 40–60-х годов прошлого века изучены роль установки, активности, пристрастности субъекта, субъективной устойчивости к давлению внешней среды («поля»), клинические, индивидуальные, возрастные и культурные различия в познавательных стратегиях и в когнитивно-аффективных стилях [Брунер, Олвер, Гринфилд, 1971; Соколова, 1976, 1980, 2009а, 2009b, 2012, 2014, 2015; Холодная, 1998; Blatt, Auerbach, Levy, 1997; Hogg, 2007; Witkin, Lewis, Hertzman et al., 1954; Witkin, Dyk, Fatterson et al., 1974 и др.]. Предполагается, что процесс категоризации может рассматриваться в качестве генерализованной когнитивной стратегии преобразования «хаоса» неопределенности в связное целое, разворачивающейся на разных уровнях сознания [Брунер, Олвер, Гринфилд, 1971]; выбор между «внутренней» или «внешней» точкой отсчета также позволяет «снять» двусмысленность ситуации, возникающей вследствие конкурентных фигуно-фонных отношений [Witkin, Goodenough, 1981]. Методологической основой подобных представлений о неопределенности служит концепция системного развития Хайнца Вернера о прогрессивной дифференциации и интеграции, рассматривающая становление познавательных процессов и личностной идентичности на основе принципа холизма через механизм образования все более дифференцированных структур («стилей») и усложнение связей между ними [Кернберг, 2000; Чуприкова, 2007; Соколова, 2009а, 2009b; Werner, 1957], в единстве и взаимодействии индивидуального и социального, «аффекта и интеллекта».

В данном контексте уместно вспомнить о проективных методах косвенного исследования клинических аспектов личности как отношения человека к неопределенности, направленных на моделирование переживания неопределенности, создаваемого посредством информационного, сенсорного, эмоционального или смыслового дефицита, а также коммуникативной «абстиненции». Условиями, обеспечивающими переживание неопределенности (и одновременно экспериментальными приемами ее создания), становятся специфическая организация целостной ситуации проективного обследования (стимульного материала, его предъявления, мотивирующей инструкции) и специфика экстерииризуемых и формирующихся в процессе всего обследования отношений в диаде «обследуемый–психолог». Многоаспектность депривации, созданная условиями проективного исследования, усиливает нагрузку на стрессоустойчивость человека, его способность «переносить» неопределенность без потери ориентации в реальности, без дезинтеграции личности, без саморазрушения и разрушения целенаправленного взаимодействия с физическим или социальным и межличностным окружением. Вместе с тем, ситуация неопределенности провоцирует очень широкий спектр интенсивных эмоциональных состояний возбуждения, тревоги и тем самым активирует сложившуюся систему ментализационных структур, защитных и копинговых стратегий саморегуляции, репрезентаций Я и Другого.

Неопределенность межличностных отношений с диагнозом порождается некоторой двойственностью его коммуникативной позиции: сочетанием доброжелательно нейтральной установки и фрустрирующим избеганием прямых ответов на вопросы пациента. Это позволяет последнему «встретиться» с собственным опытом переживания неопределенности, реконструирующим хаос аффективных состояний и тревог, травматичный ранний опыт эмоциональных отношений со значимыми Другими, мир инфантильных страхов, конфликтов и защит. Содержательная специфика эмоциональных переживаний, способы их структурирования и контроля, качественные и стилистические особенности познавательной деятельности в условиях неопределенности служат критериями диагностической оценки пограничной и нарциссической структурно-функциональной личностной организации. Так, феномен «бегства от неопределенности» свидетельствует в пользу ярко выраженной «полезависимости», высокого уровня тревожности и субъективного неблагополучия, «хрупкости» и «диффузии» Я. Предпочтение стереотипов прошлого, формализованных схем, устойчивых до ригидности традиций, авторитарного стиля власти и сопротивление изменениям интерпретируется как бессознательная и примитивная защита против избыточного и субъективно невыносимого дискомфорта перед лицом неизбежности персонального выбора в ситуации неопределенности.

Исходя из специфики проецируемого содержания тревоги, способов психологической защиты и состояния самоидентичности, можно говорить как минимум о пяти типичных переживаниях шока перед лицом социальной и культурной неопределенности, характеризующих баланс глобальной субъективной дезинтегрированности (глубины личностного расстройства) и ресурсных возможностей личности по «собираанию себя» [Соколова, 2012].

1. Первый тип шокового состояния окрашен или даже точнее – «наводнен» всепоглощающим негативным аффектом, ядро которого составляет непереносимая персекуторная тревога. Здесь мера субъективной неопределенности максимальна и ее феноменология такова: неясность, размытость, бесформенность, безграничность, бессвязность вызывают к жизни паранойяльные фантазийные репрезентации чуждости, враждебности, расщепление и поляризацию позитивных и негативных качеств внешнего и внутреннего «другого» в целях психологического выживания и, пусть иллюзорного, но сохранения целостности Я.

2. Второй тип также связан с отрицательным спектром эмоциональных состояний, но доминирует несколько иная феноменология: двусмысленность, амбивалентность, многозначность, непредсказуемость, противоречивость, запутанность, сложность. Страх новизны здесь ведет к снижению уровня психического функционирования - когнитивной простоте, предпочтению упорядоченности, обычности, рутинности, ограниченности и предсказуемости в качестве защиты от ожидаемой катастрофичности нового, не прогнозируемости будущего и «необжитых пространств неизвестности», переживаний шока, растерянности, агорофобии и паники перед лицом потери (само)контроля и постоянства Я.

3. Третий тип характеризуется непереносимостью неопределенности как ситуации отсутствия

доступа к собственным внутренним ресурсам и как следствие – крайней зависимостью от поддержки Другого и социального окружения в целом; отказом от собственной системы эталонов, предпочтением личного и социального конформизма, полным подчинением авторитету, режиму, власти, нивелированием собственного Я, слиянием с ситуацией, как у хамелеонообразного героя известного фильма Вуди Аллена «Зелиг».

4. Четвертый тип шокового переживания неопределенности - маниакальное «опьянение» трансгрессией и хаосом, отсутствием всех и всяческих границ, любых сдерживающих нормативов и правил, триумф нарциссически-перфекционистской вседоступности и вседозволенности.

5. К последнему типу, гораздо менее представленному в патологии, относятся переживания, окрашенные позитивным эмоциональным тоном: любопытство, поисковая надситуативная активность, игра фантазии, порождение новых смыслов, радость, азарт, связанные с удовольствием от исследований и инсайтов и приводящие к творческому и осмысленному преобразованию ситуаций неопределенности.

Ряд эмпирических исследований свидетельствует о наличии не только клинических, но стилевых, возрастных и межкультурных различий в пороге переносимости неопределенности: он варьирует под влиянием ценностных установок индивидуализма–коллективизма, маскулинности–фемининности, межличностной дистанции и предпочитаемой плоскости отношения к власти и социальному контролю [Hogg, 2007], подвержен ситуативным влияниям, сензитивен к социальному статусу индивида в группе и групповой динамике [Белинская, 2007].

При развитии «оптимистической» линии в изучении феномена неопределенности с позиции историко-культурных и философских ее измерений обсуждается тезис об «объективности субъективного» В.П.Зинченко. Автор утверждает принципиальную неизбытность неопределенности, утверждает, что «определенность» психического, накрепко привязанная к принципу детерминизма в науке, по сути, не более, чем химера, в то время как неопределенность – атрибут всего живого и развивающегося – вездесуща и являет себя как «неоднозначность восприятия, многозначность слова, амбивалентность эмоций, множественность мотивов, ценностей, полифония сознания, открытость образа, неопределенность развязки в борьбе мотивов, в соревновании и противоборстве познания, чувства и воли, происходящих в нашей душе» [Зинченко, 2007, с. 17]. Всякое «снятие неопределенности», с этой точки зрения, неизбежно вновь порождает неопределенность, и, в этом смысле, последняя неотделима от «текучести» самой жизни, противоположностью которой выступает определенность смерти.

Параметр социокультурной неопределенности рассматривается также в контексте эволюционных процессов как неустранимый атрибут всякого движения саморазвивающихся систем, с необходимостью порождающий «надситуативную активность» субъекта, новые формы культуры, новые способы действия в социуме. «Благодаря внесению неопределенности в строго детерминируемую систему культуры, – пишет А.Г.Асмолов, – данная культура приобретает необходимый резерв внутренней вариативности, становится более чувствительной и подготовленной к преобразованию в ситуациях тех или иных социальных кризисов» [Асмолов, 2012, с. 38]. При этом адаптивные (стабилизирующие) и надситуативные деятельностные стратегии являются необходимыми моментами целостного эволюционного процесса, обеспечивающими и развитие, и его «удержание» в определенных границах, и, по всей видимости, маркируют разный уровень саморазвития субъекта – индивидный и личностный.

Один из современных социологических и психологических дискурсов проблемы неопределенности сосредоточен вокруг свободы индивидуального выбора идентичности (и даже ее произвольного «конструирования») в условиях глоболизирующегося «общества риска». В мире хаотически меняющихся ценностей, иллюзий, трансгрессии и расплывающихся границ между дозволенным и запретным высшей ценностью становится свобода манипулирования (самим собой и другими), всевластие личного произвола в конструировании и бесчисленном «переиздании» собственного Я (ценностей, телесного облика, пола), а также забота о перфекционистской шлифовке фасадного и фальшивого образа Я [Бек, 2000; Бауман, 2002; Соколова, 2009b, 2015]. Размытость индивидуальных нравственных устоев, эмоциональная тупость и своего рода имморализм остро проявляются в неопределенных или двойственных ситуациях социального взаимодействия: ограничения или

избирательности доступа к информации, принятия решения в условиях повышенной ответственности, дефицита времени или персонального риска. Ситуация неопределенности способствует возрастанию «коммуникативной коррупции» – макиавеллизма и межличностной манипуляции, служащих насилию разного рода, завоеванию власти, самоутверждению в условиях базового переживания *ressentiment* (агрессивного реванша), замаскированной враждебности к Инакому, зависти к недостижимой силе и могуществу Другого, превалирования стратегий конкуренции и борьбы всех со всеми (тотальной деструктивности) при полной неспособности к сотрудничеству. Еще одним примером деструктивной стратегии сверхкомпенсации ситуации неопределенности, переживаемой как непереносимое подтверждение фундаментального факта несовершенства Я, ограниченности человека в знаниях, уверенности, понимании, зависимости от Другого, может служить перфекционизм, понимаемый как преобладание магического и вымышленного нарциссически-грандиозного Я с его экспансивными и захватническими желаниями над живым, но уязвимым в своих пределах реальным Я.

С другой стороны, в открывшихся просторах неопределенности-свободы человек не может осуществить ни один акт выбора самоидентичности без страха эту свободу утратить, обрета ограничения предопределенности и ответственности. Он обречен на постоянный и не приносящий удовлетворения, незавершаемый процесс поиска и «примерок» разных идентичностей, причем его Я остается некоторой пустой полостью или ускользающей химерой; обнаруживается его своеобразная «диффузия» – феномен, достаточно изученный в клинической психологии Я [Кернберг, 2000; Akhtar, 1984] и, по всей видимости, чрезвычайно характерный для современного общественного сознания. Свобода, которая могла бы стать фактором саморазвития и самосовершенствования, в подобных условиях оборачивается страхом, тревогами и разочарованиями, связанными с любым выбором и любыми попытками ответственного самоопределения. Здесь возникает феномен, «парный» феномену непереносимости неопределенности, а именно, страх всякой определенности, конкретности, смысла, которые «подпитывают» и поддерживают состояние внутренней неопределенности, диффузности Я или «хамелеонообразной» всеядности, превращают Я в безликость и пустоту. «Уход в неопределенность» выполняет бессознательную защитную функцию, когда «размытость», «расфокусированность» создают что-то вроде «слепого пятна» в самовосприятии и восприятии Другого, препятствуя категоризации и смыслообразованию, в то время как «уклончивость» манипулятивных маневров-самозащит предотвращает открытое столкновение со сложной реальностью переживаний Я (утратой, болью, стыдом и виной) и межличностных отношений [Соколова, 2009b, 2012]. В результате условия неопределенности из предпосылок свободы превращаются в благодатную «питательную среду» для расцвета морального релятивизма и «деконструкции» традиций человеческой солидарности; в фетиш возводятся ценности вечного движения, личного совершенства, молодости и бессмертия. Современному нарциссу присуща также страсть к развенчиванию и «разрыву» исторической преемственности, культ бездушия и цинично-манипулятивного отношения к Другому, а также отказ от деятельного участия в общественной и политической жизни [Липовецки, 2001].

Расцвет культуры нарциссизма как тенденции к психологизации общественной жизни был спровоцирован (в том числе) «затуханием» революционных и либеральных процессов шестидесятих годов на Западе, нарастанием социального и политического пессимизма и вызвал ценностный поворот к индивидуализму, к простым радостям приватной жизни, к предпочтению обыденного и персонального, приоритета переживания-осознавания Я перед социальным поступком, отказ от регламентации, порядка и «сухой» рациональности. Спустя полвека, правда, оказалось, что «психологическая реальность» с ее заботами об улучшении качества жизни, духовном и телесном самосовершенствовании выглядит «суррогатом», не приносящим истинного удовлетворения. И современный человек вынужден прибегать к все новым и новым суррогатам, тем самым создавая все новые виды аддикции, стремясь избежать внутренней пустоты, пытаясь наполнить Я хоть каким-то смыслом. В то же время активные деятельные отношения человека с социумом все больше подменяются их виртуальным подобием, а реальное саморазвитие – разнообразными эгоцентрическими практиками самосовершенствования и самоудовлетворения.

Распространенность в современном обществе различных вариантов расстройства самоидентичности (нарциссизма, нестабильности, диффузии) заставляет относиться к этим феноменам и сопутствующим им перфекционизму и манипулятивности неоднозначно – как к «продуктам» провокативных веяний современной культуры (с ее культом неопределенности) и клиническому

синдрому одновременно, мультифакторная (в том числе – и социокультурная) природа которого все еще недостаточно изучена. Подобно тому, как утрачивает целостность, секуляризируется и индивидуализируется современное общество потребления, так и Я человека подвергается процессу фрагментации вследствие избыточной поглощенности эгоцентрическими интересами, эмоциональной сосредоточенности на самом себе и изобилия предлагаемых социальными институтами способов телесной и душевной «бьютификации». Но культура и клиника здесь сближаются: нарциссическое, как и диффузное, расстройство самоидентичности коморбидно широкому кругу психических заболеваний и нарушений поведения: аффективной патологии, аддикциям и суицидам [Кернберг, 2000Akhtar, 1984].

Новая социокультурная ситуация порождает и «нового пациента» в пространстве психотерапевтических практик, что требует критического анализа многих классических постулатов в области теории и практики психотерапии, культурной специфики и границ применения [Бурлакова, Олешкевич, 2011; Соколова, 2009а, 2009b, 2015]. Сегодня психологическим консультантам и психотерапевтам широкого круга приходится иметь дело с пациентами нового типа, чьи жизненные неудачи не в последнюю очередь обусловлены непереносимостью неопределенности, релятивизмом ценностей, отсутствием устойчивых моделей человеческих отношений и перспектив будущего, а глубина дезадаптации может угрожать самой их жизни. С целью предотвращения преждевременного прерывания ими психотерапии диагностика и скрининг клиентов с погранично-нарциссической личностной организацией составляет отдельную задачу на инициальных фазах консультирования. Эта задача может реализоваться при уточнении мотивации обращения, конкретизации и оценке реалистичности запроса; ее явным маркером служит возможность выработки «рабочего альянса» совместно разделяемых терапевтических целей и терапевтического сеттинга в целом.

Так, рентная мотивация отражает слабое чувство реальности и веру в магическое, расщепление Я с притязанием на всемогущество и одновременно – пассивность, истощенность, острую нужду в эмоциональной поддержке, нередко принимающую форму эксплуататорского, манипулятивного отношения, спроецированного на терапевта, а также примитивные механизмы психологической защиты в виде расщепления, проективной идентификации, идеализации и обесценивания. Обнаружение потребительских установок пациента на этапе установления первичного рабочего альянса или в кризисные моменты терапии может служить ценнейшей диагностической информацией и материалом терапевтической проработки неудовлетворенных ожиданий и разочарований пациента, его настоячивых требований и манипулятивного давления на терапевта, вплоть до использования инграции (эмоционального или «вещного» подкупа) и шантажа, вынуждающих терапевта испытывать тягостное чувство вины и занимать позицию «спасателя». Однако если рассматривать терапевтические отношения как диадные и даже – диалогические, тогда в мощных спасательных чувствах можно увидеть непосредственный отклик на острое состояние нужды пациента в терапевте как «материнском контейнере». И если терапевт способен временно (тактическое отступление) «предоставить себя в распоряжение» в таком качестве, то затем и сам «напитавшийся» пациент будет готов к отношениям с большей сепарацией и ответственностью.

Предъявляемая нарциссическим пациентом (клиентом) цель «самосовершенствования и личностного роста» нередко является защитной маскировкой аутодеструктивного самоотношения и перфекционизма, свидетельствует о невозможности прямого запроса о помощи, поскольку субъективно ассоциируется с признанием собственной «слабости» (а признание даже частичной слабости и зависимости от другого человека опасны) и вызывает переживание «нарциссической раны» – краха собственного Я перед лицом опасности поглощения со стороны Другого. Иными словами, именно те качества психотерапевтической коммуникации, которым приписывается ответственность за позитивные изменения в терапии, у этих пациентов серьезно повреждены, в силу чего страдает надежность терапевтических отношений, снижается их «лечебный» потенциал и эффективность психологической помощи. Мы имеем в виду неспособность устанавливать и сохранять в течение длительного времени открытые, доверительные, исполненные ответственности и благодарности отношения с терапевтом, несмотря на испытываемые в процессе терапии естественные фрустрации и лишения, обусловленные ее организационными и этическими рамками, равно как и драматическими переживаниями, сопровождающими ее динамику. Кроме того, дефицит символизации сужает возможности использования преобразующей силы воображения и целебной силы слова в «контейнировании» травматического эмоционального опыта и его «детоксикации».

Когнитивная дефицитарность и ослабленная способность к ментализации и символизации, рациональному мышлению и рефлексии, накладывают существенные ограничения на принятие переносного смысла и условности психотерапевтической ситуации, вызывают импульсивный и малоуправляемый регрессивный перенос архаически инфантильных (и травматичных) моделей переживания и восприятия себя в отношениях с терапевтом, серьезно угрожают сохранению психической целостности и пациента, и терапевта. Парадоксальное сочетание дисгармоничных коммуникативных установок прилипчивой зависимости с враждебной самоизоляцией наряду с превалированием примитивных защит (отреагирования, расщепления, отрицания, проективной идентификации, грандиозности) мешает сохранять временную стабильность психотерапевтических отношений, смысловую последовательность и связность в проработке личностных конфликтов. В иерархии мотивов ценности самозащиты преобладают над ценностью самоизменения, что проливает свет на одну из причин упорных сопротивлений позитивным изменениям, так называемой «негативной терапевтической реакции», приводящей к деструкции психотерапевтических отношений, их преждевременному прерыванию. Напротив, стремление пациента (клиента) к достижению обоюдно разделяемого с терапевтом «фокуса» видения психотерапевтических целей на каждом из этапов психотерапевтического процесса, способность развивать и поддерживать отношения сотрудничества в драматически разворачивающемся процессе, удерживать организационно-этические рамки и ограничения психотерапевтических отношений в большей степени может свидетельствовать в пользу прогнозируемой эффективности психотерапевтической и консультативной помощи.

Итак, клиническая психология сегодня все более склонна рассматривать феномены разрушения самоидентичности системно, принимая во внимание не только индивидуально-личностные структурно-устойчивые особенности личностной организации в качестве фактора ее особой «уязвимости», но также и со стороны их культурной обусловленности, а, следовательно, с учетом «мозаичности» современного социокультурного контекста, который мы называем «неопределенностью» и мультивариативностью выбора. Не исключено, что патопсихологическая квалификация определенных «симптомов» утраты Я может носить культурно-релятивистский, а не всеобщий характер, на что указывает ряд этнопсихологических исследований. Вместе с тем, процессы глобализации в культуре постепенно приводят к известной универсализации симптомов и жалоб, нивелируя тем самым кросс-культурные различия, «копируя» и «подстраивая» восприятие здоровья и болезни Я под универсальные и тиражируемые культурой образцы и ценностные установки.

«Тенденция к междисциплинарности и интеграции научного знания, – замечает М.Гусельцева, – реализуется в истории науки двумя потоками: от смежных наук к психологии и от психологии к смежным наукам» [Гусельцева, 2013], как интеграция социальной психологии и патопсихологии [Андреева, 2012]. В этом смысле, привлекая внимание к клинко-психологической трактовке некоторых феноменов личного и общественного сознания в условиях социокультурной неопределенности, мы поступаем в согласии с той традицией постнеклассической науки, основы которой заложил еще З.Фрейд, сформулировавший принципиально новые пути исследования душевной жизни на основе «археологического» и «уликового» методов познания бессознательных и ускользающих от «наивного» взгляда исследователя явлений. Кроме того, клиническая «оптика», подобно микроскопу, настолько преувеличивает явления, как будто размытые в массовой норме, что заставляет вновь и вновь обращаться к их изучению в свете новых интегративных методологических парадигматик. Междисциплинарность современной науки – это особая форма объединения научных сил, направленная на преодоление расколов и трещин современной культуры путем творческого взаимодействия между различными методологиями, транскрипциями и метафорами [Порус, 2013].

Литература

Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия. Психологические исследования, 2012, 5(26), 1. <http://psystudy.ru>

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Белинская Е.П. Неопределенность как субъективное переживание радикальных социальных изменений. В кн.: Е.П.Белинская, Т.П.Емельянова (Ред.), Социальная психология: актуальные проблемы исследований. М.: Фонд Выготского, 2007. С. 43–62.

Брунер Дж., Олвер Р., Гринфилд П. В кн.: П.Гринфилд (Ред.), Исследование развития познавательной деятельности. М.: Педагогика, 1971.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э.Эриксона в зеркале личной истории автора. М.: Маска, 2011.

Гусельцева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии. Психологические исследования, 2013, 6(27), 2. <http://psystudy.ru>

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? Вопросы психологии, 2007, No. 6, 3–20.

Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. М.: Класс, 2000.

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы. Психологические исследования, 2010, 3(11), 11. <http://psystudy.ru>

Липовецки Ж. Эра пустоты. СПб.: Владимир Даль, 2001.

Порус В. Н. Выбор интерпретаций, как проблема социальной эпистемологии. Эпистемология и философия науки, 2013, 38(4), 5–13.

Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М.: Моск. гос. университет, 1976.

Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Моск. гос. университет, 1980.

Соколова Е.Т. Аффективно-когнитивная дифференцированность/ интегрированность как диспозиционный фактор личностных и поведенческих расстройств. В кн.: Н.И.Чуприкова (Сост.), Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. М.: Языки славянских культур, 2009а. С. 151–166.

Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен. Вопросы психологии, 2009b, No. 1, 67–80.

Соколова Е.Т. Культурно-историческая и клинко-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности. Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология, 2012, No. 2, 37–48.

Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма. Эпистемология и философские науки, 2014, 41(3), 190–210.

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.

Холодная М.А. Когнитивные стили: парадигма «других» интеллектуальных способностей. В кн.: А.В.Либин (Ред.), Стилль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998. С. 52–63.

Чуприкова Н.И. Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер Пресс, 2007.

Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian personality. New York,

NY: Harper and Row, 1950.

Akhtar S. Identity diffusion syndrome. American Journal of Psychiatry, 1984, 141 (11), 1381–1384.

Blatt S., Auerbach J., Levy K. Mental representations in personality development, psychopathology and the therapeutic process. Review of General Psychology, 1997, 1(4), 381–391.

Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In: M.P Zanna (Ed.), Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press, 2007. pp. 70–12.

Werner H. Comparative psychology of mental development. New York, NY: International University Press, 1957.

Witkin H.A., Lewis H.B., Hertzman M., Machover K., Meissner P.B., Wapner S. Personality through perception: an experimental and clinical study. New York, NY: Harper, 1954.

Witkin H.A., Dyk R.B., Faterson H.F., Goodenough D. R., Karp S.A. Psychological differentiation. New York, NY: Basic Books, 1974.

Witkin H.A., Goodenough D.R. Cognitive styles – essence and origins: Field dependence and field independence. New York, NY: International Universities, 1981.

Поступила в редакцию 9 декабря 2014 г. Дата публикации: 29 апреля 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Соколова Елена Теодоровна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: etsokolova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд. Психологические исследования, 2015, 8(40), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1113-sokolova40.html>

[К началу страницы >>](#)